

Въ февралѣ 1557 года въ Москвѣ появилась ливонская депутація вновь просить объ отсрочкѣ, но получила отказъ. Иванъ не пожелалъ видѣть пословъ, поручилъ Адашеву отправить ихъ обратно и началъ организовать карательную экспедицію. Это было просто и ужасно. Въ концѣ года армія, составленная въ значительной части изъ татаръ, подъ начальствомъ бывшаго казанскаго хана Шигъ-Алея, напала на Ливонію и произвела тамъ страшныя опустошенія. Тутъ было все: и женщины, изнасилованныя до смерти, и дѣти, вырванные изъ чрева матерей, и сожженные дома, и уничтоженные урожаи. Можеть быть, въ мѣстныхъ лѣтописяхъ есть нѣкоторое преувеличеніе. Но войны того времени всюду были отвратительнымъ варварствомъ, и черемисы Шигъ-Алея, конечно, ни въ чемъ не уступали нѣсколько болѣе дисциплинированнымъ разбойникамъ герцога Альбы. По словамъ одного изъ составителей хроникъ, отобравъ наиболѣе красивыхъ плѣнницъ и насытивъ съ ними свои желанія, воины Шигъ-Алея привязывали ихъ къ деревьямъ и упражнялись въ стрѣльбѣ надъ этими живыми мишенями. Все это, конечно, возможно, хотя присутствіе двухъ русскихъ начальниковъ—князя Михаила Васильевича Глинскаго и Даніила Романовича Захарьина, брата царицы Анастасіи, должно было наложить нѣкоторую узду на этихъ дикарей. Впрочемъ, дѣло здѣсь шло не столько о завоеваніи, сколько о взысканіи *tapu militari*. Какъ уже заявилъ Терпигоревъ, русскіе пришли за деньгами. Такимъ образомъ, террористическіе приемы до нѣкоторой степени оправдывались.

Спротивленія почти не было оказано. На протяженіи около 200 верстъ завоеватели встрѣтили лишь слабые отряды. Ихъ безъ труда разбивали и обращали въ бѣгство. Однако, результаты этой кампаніи обнаружили не сразу. Весьма вѣроятно, Иванъ не остановился на опредѣленномъ планѣ, а шелъ наугадъ. Въ январѣ 1558 года Шигъ-Алей, собравъ громадную добычу, согласился на перемиріе, и новая ливонская депутація отправилась въ Москву. Она везла съ собою нѣкоторую сумму денегъ въ счетъ предъявленныхъ требованій, и была принята.

Посредничество московскихъ купцовъ, заинтересованныхъ въ торговлѣ съ Дерптомъ и сосѣдними городами, а, можетъ быть, и деньги, данныя кому надо, казалось, общали депутаціи такія условія мира, на которыя она не могла и надѣяться раньше. Иванъ согласился вести переговоры, на время отказавшись отъ взысканія контрибуціи въ виду истощенія страны. Однако, новая неожиданность разстроила переговоры. Нарва отказалась принять перемиріе и продолжала перестрѣлку съ Ивангородомъ. Въ 1558 году городъ сдался, но крѣпость продолжала сопротивляться. 11-го мая она была взята приступомъ. Адашевъ, ведшій переговоры, сейчасъ же измѣнилъ тонъ. До этого событія было поднятъ въ самыхъ неопредѣленныхъ и неясныхъ выраженіяхъ вопросъ объ уплатѣ дани лишь Дерптскимъ епископствомъ. Теперь заговорили совсѣмъ о другомъ: дани требовали уже отъ всей Ливоніи. Кромѣ того, настаивали на признаніи Ливоніей московскаго верховенства на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Казани и Астрахани: гроссмейстеръ Фюрстенбергъ, епископы дерптскій и рижскій должны были отправиться въ Москву выполнить свой вѣрноподданическій долгъ въ качествѣ новыхъ вассаловъ. Наконецъ, Нарва и другіе уже покоренные города просто присоединялись къ Московскому царству.

Эта манера итти этапами, какъ бы послѣдовательными скачками, была въ традиціяхъ московской политики. Иванъ, очевидно, и не думалъ, что эти условія будутъ приняты. Онъ пускался въ авантюру и изъ военной экспедиціи пытался устроить завоеваніе. Война продолжалась, при чемъ несчастная Ливонія неизмѣнно обнаруживала неспособность къ защитѣ. Только города на нѣкоторое время задержали нашествіе. Фюрстенбергъ, которому удалось собрать всего 8.000 человекъ, въ отчаяніи предоставилъ командованіе своему помощнику Готтхарду Кеттлеру. Кеттлеръ обнаружилъ не больше предпріимчивости. Скоро начали сдаваться крѣпости: сначала Нейхаузенъ, потомъ Маріенбургъ. Всюду царило малодушіе и предательство: съ этимъ согласны даже нѣмецкіе лѣтописцы.

Marienburg das edle Schloss
War uebergeben ohne Schoss
(Славный замокъ Маріенбургъ
Сдался безъ выстрѣла.)

приѣмывалъ нѣкій ливонецъ Таубе.

Въ іюлѣ 1558 года былъ осажденъ Дерптъ. Видимо, епископъ и его окружающіе торопились сдаться, чтобы добиться кое-какихъ личныхъ преимуществъ. Въ войнахъ XVI вѣка эта капитуляція представляла исключительный случай, говорящій въ пользу Москвы. Русскій воевода князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, далъ жителямъ этого города полную амнистію, свободное исповѣданіе ихъ вѣры, сохранилъ старое городское управленіе и судебную автономію, наконецъ, предоставилъ свободную, беспошлинную торговлю съ Россіей. Эти условія были сначала соблюдаемы добросовѣстно. Шуйскій держалъ свое войско въ суровой дисциплинѣ и запрещалъ всякое насилие. Такимъ образомъ, Москва избрала иную тактику, измѣнивъ свои намѣренія. Въ Нарвѣ послѣ приступа былъ организованъ правильный грабежъ. Петербургская кунсткамера еще до сего времени хранитъ свидѣтельства этого грабежа. Хотя Ливонія и не нашла денегъ для своей защиты, но она все-таки была богата. У одного горожанина Тизенгаузена, нашли до 80.000 марокъ золотой монетой. Полагаютъ, что были разрыты даже могилы. Законы войны того времени разрѣшали или, по крайней мѣрѣ, допускали и не такія еще оскверненія! Но какъ только сума была набита, побѣдители смягчились и обнаружили большую мудрость. Привиллегіи, которыхъ добился Дерптъ, были распространены и на Нарву. Сейчасъ же занялись восстановленіемъ города: начали поощрять окрестныхъ земледѣльцевъ и помогать имъ. Иванъ полагалъ, что для побѣжденныхъ дѣлается черезчуръ много. Онъ утвердилъ договоръ, на который согласился Шуйскій, лишь съ извѣстными ограниченіями. Такъ, въ муниципальный судъ долженъ былъ войти представитель Москвы. Апелляція на рѣшенія суда отъ рижской палаты передавалась на судъ воеводы или направлялась царю. Торговля съ русскими городами облагалась пошлиной, за исключеніемъ сношеній съ Новгородомъ, Псковомъ, Ивангородомъ и Нарвой. Въ замѣну всего этого жители Дерпта получали право селиться въ предѣлахъ Московскаго государства тамъ, гдѣ имъ заблагоразсудится. Эти льготы, видимо, были достаточно соблазнительны, такъ какъ до наступленія осени выразили покорность еще 20 городовъ.

Однако, было еще далеко до окончанія войны. Ревель продолжалъ сопротивленіе. Въ сентябрѣ, съ приближеніемъ зимы, по неизмѣнному обычаю русскихъ военачальниковъ, Шуйскій отступилъ. Кеттлеръ воспользовался этимъ, чтобы начать наступленіе. Собравъ 10.000 че-

ловѣкъ, онъ взялъ приступомъ Рингенъ. Говорятъ, что это стоило ему 2.000 человекъ. Затѣмъ онъ достигъ Себежа и Пскова, у котораго сжегъ пригороды. Видя передъ собой угрозу со стороны крымскихъ татаръ, Иванъ принужденъ былъ, подавивъ свой гнѣвъ, заключить въ маѣ 1559 года перемиріе съ ливонцами. Но уже на слѣдующій годъ, когда опасность со стороны Крыма миновала, онъ взялъ реваншъ. 2-го августа подлѣ стѣнами Феллина Курбскій постигъ ливонскую знать, соединившуюся, наконецъ, ради общаго великаго дѣла, и раздавилъ ее однимъ ударомъ. Вскорѣ захваченный Феллинъ выдалъ Курбскому Фюрстенберга, который уже отказался отъ власти въ пользу Кеттлера. Вмѣстѣ съ другими знатными плѣнниками: ландмаршалломъ Филиппомъ Шаль фонъ Белль, его братомъ Вернеромъ Шаль фонъ Белль, комторомъ Гольдрингена, Генрихомъ фонъ Галенъ, судьей Ваушенбурга, бывший гроссмейстеръ былъ отправленъ въ Москву. По свидѣтельству ливонскихъ лѣтописцевъ, съ плѣнниками обошлись тамъ въ высокой степени варварски: они будто бы были проведены по улицамъ подлѣ ударами желѣзныхъ прутьевъ, а затѣмъ послѣ пытокъ убиты и выброшены на добычу хищнымъ птицамъ. По отношенію къ Фюрстенбергу это безусловно вымыслено. Онъ остался живъ. Въ Ярославской области ему была дана земля: еще въ 1575 году въ письмѣ къ своему брату онъ заявлялъ, что не имѣетъ основаній жаловаться на судьбу. Въ моментъ его прибытія въ Москву тамъ находились датскіе послы. Они удостовѣрили, что бывший гроссмейстеръ встрѣтилъ въ Москвѣ хорошій пріемъ. На возвратномъ пути они сообщили объ этомъ ревельскимъ магистратамъ, прибавивъ при этомъ, что остальные плѣнники были казнены. Надо признать, что эти казни были вполнѣ послѣдовательны съ точки зрѣнія Ивана. Успѣхи его оружія въ Ливоніи воскрешали старыя воспоминанія, вызываемыя чувствомъ національной гордости. Совершенно естественно, что царь пришелъ къ тому, что началъ смотрѣть на эту землю, какъ на свою законную собственность, а на ея обитателей— какъ на подданныхъ, возмущившихся противъ своего законнаго государя. Развѣ онъ не отвѣтилъ датскому королю, предъявлявшему свои права на Эстонію, что еще 500 лѣтъ тому назадъ Ярославъ приобрѣлъ болѣе серьезныя права, построивъ Юрьевъ и покрывъ всю страну православными храмами? Для восстановленія событій этой войны источники ливонскіе или нѣмецкіе не внушаютъ къ себѣ довѣрія, русскіе же, къ сожалѣнію, недостаточны. Даже въ народной поэзіи

эти событія не нашли отзвука. Взятіе Казани, покореніе Сибири—все это сильно дѣйствовало на воображеніе русскаго народа, прежде, какъ и теперь, одновременно и склоннаго къ мистицизму, и весьма реалистически настроеннаго: онъ ясно видѣлъ тѣ религіозные и экономическіе интересы, которые были связаны съ этими событіями. Въ ливонской рѣзнь, чуждой обаянія военныхъ подвиговъ, народъ ничего не понималъ. Эти убійства были черезчуръ далеки отъ его ума и сердца.

Однако, они были совершенно ясны для Ивана.

Дѣло покоренія Ливоніи было уже на три четверти закончено. Будучи въ состояніи поддерживать лишь защиту нѣкоторыхъ крѣпостей, унижаемые въ Эстоніи, Кеттлеръ и его сотрудники поочередно обращались за помощію къ императору, Даніи, Швеціи и Польшѣ. Однако, возможность вмѣшательства оставалась весьма проблематичной.
